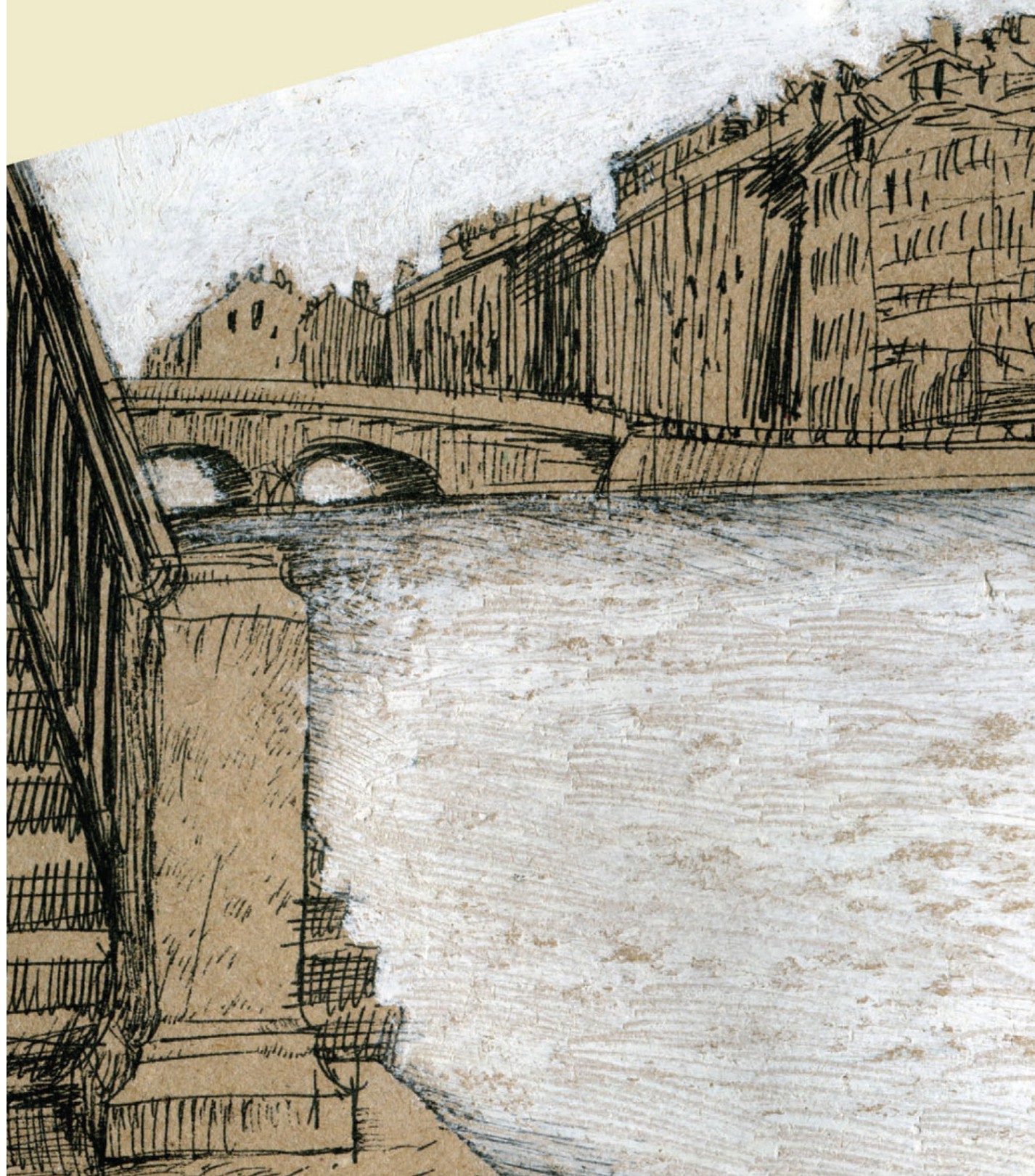

Михаил Устинов

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Михаил УСТИНОВ

Обратная перспектива

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинов М. Е.

Обратная перспектива / М. Е. Устинов — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907115-04-0

Вошедшие в сборник повесть и рассказы очень разных лет представляют отклики на события и отголоски настроений своего времени. И сейчас как курьез воспринимается редзаклучение тридцатилетней давности, которого удостоилась «Обратная перспектива» в одном литературном журнале: «Довольно широко обчитали и обсудили Вашу повесть. Не скрою, она вызвала большой интерес... Но вот неожиданность: при обсуждении вдруг выяснилось, что по-существу идейный стержень повести – „сборник статей“... это Ваша авторская мистификация, лично Вами созданный апокриф. Просто так это, конечно, обнаружить не удалось бы, поскольку Вы очень умело внедряете вполне конкретные реальные имена Достоевского, Флоренского, Федорова, Никона, Аввакума и т. д. Однако, если знаешь об „обмане“, повесть приобретает сразу иное звучание» – и потому опубликована быть не может.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907115-04-0

© Устинов М. Е., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

Немилосердные рассказы	6
Открытие сезона	6
Что к чему	9
Перед дождем	15
Странник	22
Жибрунов и Борболин	24
Детки в клетке	29
Ступени	34
Перекресток	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Устинов
Обратная перспектива

© М. Е. Устинов, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Немилосердные рассказы

Открытие сезона

– Ну что, Савельев, как ты смотришь на охоту? – сказал вдруг командир.

Начальник штаба стукнул, задвигая, ящиком стола.

– Дело. Моя уже все уши прожужжала: когда зайца привезешь? – Он взглянул в окно. Пронзительные краски ранней осени окропили деревья, и даже сквозь стекло потянуло чем-то таким сквозящим и свежим, что он порывисто вздохнул.

– И кота своегохвати. Как его – Барсик?

– По следу пустим, Алексей Федорыч? – засмеялся ему вдогонку начальник штаба.

Ефрейтор, водитель командирского газика, разыскал старшину штабной роты:

– Вечером на охоту, мать ее. Пригляни там, чтоб расход оставили.

– С Батей?

– Ну. И Сову с собой берет.

– А-а, – сказал старшина. – Ты там устрой ему охоту.

У КПП газик тормознул. Начальник штаба открыл заднюю дверцу.

– Кота не забыл? – обернулся командир.

– Здесь.

Из-за борта ватника выглядывала сонно-безразличная кошачья морда.

– Ефрейтор, давай за ту деревню... ну, еще поля такие годящие проезжали... как ее – Герциг?

– Херциг, – щегольнул водитель.

– Ишь ты! Ну и хрен с ним. – (Водитель прыснул.) – Жми.

Машина тряслась по лесной дороге, поддоном приминая росшую меж колеями траву; на развилке свернули на асфальт, водитель прибавил газ.

– Смотри-ка, Савельев, еще один! Начальник штаба повернулся к заднему окну.

В кювете лежал опрокинувшийся мотоцикл, но людей вокруг не было видно.

– Дороги чересчур хорошие, вот и бьются.

У нас так не погоняешь.

– Не скажи. Наши тоже могут, – не согласился командир.

На проселке машина снова запрыгала. Стало темнее, водитель включил ближний свет. Когда свернули на поле, начальнику штаба пришлось ухватиться за стойку, по которой был натянут брезентовый верх, – сзади трясло. Коротко скошенная трава шуршала под колесами.

– Хорош, – остановил наконец командир. – Где там кот твой? Барсик, Барсик... – потянулся он.

Начальник штаба уже все понял, и понял, что знал это давно, но само вырвалось:

– Зачем?

– Примета есть, не слыхал? Барсик, брысь!

Кот не думал отходить от газика.

– Давай задний ход, – почему-то шепотом приказал командир водителю.

Барсик побежал было за машиной, но, передумав, остановился и сел намывать лапу.

– Дальний вруби!

Два жестяных конуса света с мечущимися внутри пылинками разделили темноту, стерня стала мутно-серой. Только белая грудь кота выделялась. Командир вышел из газика, – перекатился какой-то ненастоящий выстрел, – переломил ружье и, вытащив гильзу, подул в ствол.

Двустволка Савельева стукнулась о металл переднего сиденья, он вздрогнул и внимательно стал ее осматривать.

– Можно и начинать. – Командир вернулся в машину.

Водитель приподнял лобовое стекло и укрепил его, завинтив барашек на боковом изогнутом кронштейне. Машина тронулась с выключенным светом. Савельев обрезом ствола сдвинул фуражку на затылок и, прижавшись щекой к вороненому холоду стали, рассеянно смотрел перед собой. Когда по полю впереди пробегала тень, командир приказывал: «Врубай!» – и, если конусы выхватывали зайца, тот обалдело замирал, прикикая к земле и пряча за спиной уши, а командир стрелял, не выходя из машины.

– Вот дурак! – удовлетворенно повторял он, и Савельев созерцал в эти моменты горбоносый казачий профиль. – А интересно, что с ними происходит? Будто пыльным мешком, а?.. Врубай же, мать твою!

Русак застыл, он выстрелил – тот отчаянно рванулся в сторону и исчез. Савельев услышал жалобный, выскабливающий сердце детский плач.

– Туда свети, туда! – возбужденно крикнул командир.

Водитель развернул газик, свет выхватил вздрагивающее тело зайца. Он был ранен и тонко повизгивал. Командир выскочил из машины.

Савельев увидел в свете фар взлетевший и опустившийся приклад, и плач оборвался. Командир бросил под заднее сиденье еще одну тушку.

– Заскучал? Ну-ка давай вперед.

Начальник штаба уже пропустил две свои очереди и теперь пересел. Выставив ствол под лобовое, он ждал тени впереди и появления охотничьего азарта. Но только слышал, как прохладно и растерянно пахнет недавно убранное поле. Газик бросало по кочкам.

– Да ты что спишь! – толкнул его сзади командир и рыкнул на водителя: – Врубай!

Заяц замер. Конечно, надеялся, что так его не заметят. Савельев ощутил, как все подбралось, напружинилось внутри, и натянул взгляд меж стволами от целика до мушки. Но заяц вдруг мякнул, и ствол опустился сам собой.

– Уйдет! – Командир стукнул по спинке переднего сиденья. – Давай за ним!

Машина понеслась по полю. Русак отмахивал впереди, не останавливаясь, но не соображал выскочить из мертвящего света. Трясло, и было трудно прицеливаться. Савельев поднимал ружье, но нажать на спуск не решался – слишком далеко.

– Быстрой, быстрой, – подгонял он водителя.

Внезапно опора провалилась, Савельева бросило вперед, боль выстрелила у виска, и свет потух.

Разлилось красное, пошло радужными кольцами.

«Вот и всё», – даже не подумал, а как-то сверху посмотрел на свое недвижимое тело Савельев. И стало окончательно ясно: всё. Но сквозь красное надвинулось лицо командира с пристальными глазами.

«Ты и здесь... – захрипел Савельев. – Мало тебе, что из-за тебя солдаты ненавидят – ты отец родной, а порядок пусть другие... мало, что убил его, и меня... так ты и здесь...»

Оскалив зубы, он рванулся к ненавистному лицу – но пылающий жгут боли охватил и сплющил череп, и он рухнул навзничь в колючую стерню.

– Как ты? – Командир был встревожен.

– А-а... глаза только щиплет.

– Это ничего, это водка. Ты лбом прямо в кронштейн влетел, пришлось промыть. Пригодилась фляжка-то, – засмеялся он. – Встать можешь? Ефрейтор, помоги.

Водитель подошел, держась за ушибленную о баранку грудь, и с кряхтением подставил начальнику штаба плечо.

– Алексей Федорыч... фляжку... – выговорил Савельев.

– Вот это мне любо. Ну ты напугал. Не двинешься – думаю, неужто Богу душу отдал? А ты езжай, да осторожней! На канавы хоть смотри.

– Папа, а мне лапку привез? – из своего детского сна протянул младший сын.

– Тише ты, спи. – Жена еле сдерживала истерику.

– Я ведь взрослый человек, майор, у меня дети... Да я скоро подполковником стану! – встрепенулся Савельев и тут же поморщился.

– Тебе нельзя говорить. Ложись, вот так, вот так...

– Сова со шрамом еще лютее стал, – сказал старшина. – Ты уж больно круто его.

– Ты что, думаешь, я нарочно? И себе грудь нарочно рассадил?

– Ладно-ладно. Грудь, – подмигнул старшина.

1976

Что к чему

Книжек он не то чтоб вовсе не любил, а так как-то – просто не попадались. Да и откуда у них, в Козлищах? – аж завелся Алтуня, и так стало то ли зло, то ли обидно.

– Ты чего? – спросил напарник, двигая ему стакан.

– Да вот, – Алтуня махнул газетой, из которой только что развернул колбасу, – люди книжки читают, а мы... – и кивнул на ящик с пузырярем.

– Приплыли. – Витек на всякий случай отодвинулся. – Какие еще книжки?

– Каки-ие! И в газетах обсуждению подвергают.

– Опять нашло? Мало ли их, писателей.

– Ага. Вот – слесарь подвергает. – Ни хрена не клацал этот Витек. Так и сидел с плоской рожей.

Алтуня опрокинул стакан и вместо чтоб поморщиться добавил:

– Тупка серая. – Это ругательство он еще из армии привез. Правда, не знал, кто такая тупка, но вполне хватало, что – серая.

В ближайшую субботу Алтуня приедется и отправится в район. Благо автобус для пользы трудящихся наладили – сорок минут, и ара-улю. Но сорок – чистой езды, а сколь прождешь, пока соберутся.

Собираться не спешили. Даже водителя не было: пригнал фургон и сразу намылился куда-то. Ясно куда: теща у него тут самогонщица. Алтуня уже по уши нахватался папиросного дыма пополам с пылью на пяточке у магазина, где торчал автобус, а водила все не подходил. Распланировал, что тащиться будут еще долго.

И то: не прошло и полгода, приковыляла Бибиха. Увидела Алтуню и шасть к нему:

– Саня... – будто обрадовалась, а улыбка такая квелая. – Никак в район? Штаны, небось, в мастерскую, шить?

– Да нет, не дергайся ты, бабка, – отмахнулся Алтуня.

Та, видно, не поверила и забралась на сиденье сзади него – конвоир. Раньше она всем в селе шила. И пока других возможностей не было, к ней ходили, а с автобусом перестали. Техника ее сразу разонравилась: прикладывает материю к ногам и так и кромсает ножницами, у кого как идут. Так что, у кого кривые... Короче, только район приблизился посредством автобусного сообщения, сразу ее подпольная фабрика заглохла.

Потом Витек появился.

– В город? – Сам будто не видит. – По ноль-пять? А там посмотрим?

– Отцепись, сегодня не пью.

– Пост, что ли? А, бабка, что твои мракобесы говорят?

Наконец водила подошел.

– Ну, гоп-компания, порыли? Что вас так много-то, а? Вот и налаживай вам рейсы. – Он недовольно собирал за проезд.

– Но-но. Пьяный за рулем – убийца! – заржал Витек.

Автобус зафырчал, задрожал, заскрипел, чуть не лопнул и тронулся.

«Тебе больше и не сvezть», – решил Алтуня.

Книжный магазин был еще закрыт. Взять пока для рывка с Витьком... Но Алтуня не стал ломать кайф. Прошелся по улице и обратно и представлял, как откупит книгу, зачтет, а там, может, и в газету...

Когда вернулся к магазину, замок уже сняли. Внутри никого не было. Один только гриб в соломенной шляпе. И продавщица – молодая девчонка за прилавком. По видимости ничего себе, но стерва – Алтуня сразу прорюхал.

И точно: спросил книгу, а та стоит, губы мажет и ноль внимания. Алтуне показалось, что спросил тихо и хрипло. Прокашлялся и повторил. Но сначала таки проверил название по бумажке – может, не так сказал.

Опять хоть бы хны. Вот мымра, только б помаду лизать.

– Ответить-то язык не сотрешь? – Алтуня обернулся за поддержкой к шляпе. Тот внимательно уткнулся в прилавок.

Продавщица чуть так голову поворотила, фитюльку от губ отставила:

– А можно не кричать? Этой книги нету.

Кончилась.

Алтуня сплюнул и вышел. То есть сначала вышел, а потом сплюнул – что уж он, совсем?

На площади он задумался. Из продмага напротив вывалился Витек с двумя местными, но не подошел, а издали показал бутылки – кверху поднял, прямо кубки чемпионские. Тоже, Старшинов. Алтуня сообразил в библиотеку, да не знал, где это. Хорошо, их деревенский под-вернулся – Колька, он теперь сержантом в отделении. Захотел после армии городской жизни – ну-ну. Правда, Алтуня его не осуждал, хоть сам бы в милицию – ни ногой.

– На книжки потянуло? Хорошо.

И без твоего поощрения как-нибудь, – но связываться Алтуня не стал, а пошел, как объяснил Колька, к станции.

Библиотекарша была не старая еще, но вся какая-то зачуханная. Сидит за барьером – одна голова наружу, нос торчком, волосы пучком, а говорит вежливо:

– Здравствуйте. Проходите, пожалуйста. Что, значит, надо?

– Мне б... Здрасьте, – спохватился Алтуня.

– Мама! – потребовал детский голос.

– Оленька, не мешай, я же работаю.

Теперь Алтуня увидел малую сопливаю девчонку с карандашом за низким столиком.

– У вас имеется...

– Ой-е-ей! – заверещала девчонка. – Сичас-сичас-сичас!

Библиотекарша здынулась и утащила ее за книжные полки.

– Извините, – жалко улыбнулась на ходу Алтуне, а за полками шепнула: – Ну, садись.

Тут вошел тот тип, что Алтуня еще в магазине приметил. Поприветствовал и сел в уголку читать журнальчик. Зря он тогда грибом о нем подумал. Видно, интересуется чтением человек, – зауважал Алтуня.

– Дочь? – кивнул он, когда библиотекарша освободилась. Нужно ж показать человеку, что разделяет ее трудности. – «Август четырнадцатого» у вас имеется?

Та наморщила бледенький лобик.

– «Август»... Может, «В августе сорок четвертого»? – обрадовалась, что вспомнила.

– Не-ет. – Алтуня вытащил газетный обрывок. – Точно: «Август четырнадцатого», писатель Солженицын.

– Сичас, – совсем как дочка, сказала она. – Ах да, конечно! Только, может, на руках? Или вообще нет? Нужно каталог посмотреть.

– Мама! Я все! – визгнуло из-за полок.

– Так задвинь горшочек под шкаф! – ответила библиотекарша и смутилась.

– А штаны? – низко протянула девчонка.

Мать снова ускользнула туда. Алтуня даже пожалел – суетится, бедная, а все буксует. Вернувшись, она подошла к закрытому шкафчику.

– Солженицын, Солженицын... что-то слышала, – приборматовала она, перебирая карточки. Вот это у ней ладно выходило. – Салтыков, Симонов, Синюшкин... Вот, нашла! Ах нет, Соложенкин... Смешная фамилия, правда?

Алтуня не засмеялся, и она сконфузилась.

– Знаете, как к нам мало книг поступает? Вот объявили собрание Дюма, специально для библиотек, а нам ни одного экземпляра! А может, – воодушевилась она, – в тематическом посмотреть? Какая тематика вашей книги?

– Как это?

– Ну, про что она?

– А-а. Про войну.

Из-за стены донесся грудной плач.

– Ой, извините! – снова вспорхнула она и скрылась в дверку, которой Алтуня сразу и не заметил.

– Слушай, отец, может ты в курсе, – подошел Алтуня к старику, и тот вздрогнул. – Где бы взять – Солженицын, книга такая?

– Не знаю, не знаю. – Шляпа сама надвинулась на глаза. – Не слышу я ничего! – вскрикнул он, как ошпаренный.

Псих, тоже. Библиотекарша, чем-то довольная, выскочила из соседней комнаты, застегивая на ходу кофточку.

– А может, вам другую поискать? Вот Георгия Маркова новый роман получили. Лауреат Госпремии.

– Это вроде Сталинской по прежним временам? – выперся из своего угла старик.

Глухой, тоже...

– Перебьюсь, – вежливо отказался Алтуня.

– Знаете, – чувствовалось, она от души помочь хочет, настоящая интеллигенция, – вы в школу попробуйте зайти. У преподавателя литературы такая библиотека – едва ли не лучше нашей.

– Ладно, – буркнул Алтуня.

Полощут тоже мозги. В кои веки захочешь книгу – и привет. Хорошо тому, из Горьковской области. Придет, небось, автолавка на завод... А то передовик какой, вся литература – в первую очередь. Несут на блюдечке с каемочкой: почитайте, значит, и мнение письменно изложите. Да может, не у одного его мнение-то есть! Живут же люди. А тут только Витек под ногами болтается.

– Алтуня, ну ты что! Пошли! – не получив ответа, Витек повернулся к своим: – Видали – брезгует.

Один из его, поздоровее, выдвинулся вперед.

– Сергей! – Витек придержал кореша рукой. – Случается – задвиг. Пусть нам будет хуже.

И тут, честное слово, так потянуло с ними... Но Витек напоследок пожалел:

– Чего крутишься-то все? – и у Алтуни прямо потемнело в глазах.

Железнодорожная школа была недалеко. Он угадал в перемену и прямо двинул к учителю, которого показал какой-то пацан.

– Здравсьте, – не оплошал он на этот раз. – Я вот книжку ищу. «Август четырнадцатого».

– Такой литературы не держу. – Учитель задрал к нему настороженное лицо.

– Как же? Солженицына книга...

– Вот именно, – с подковыркой ответил тот.

– А она говорит – есть.

– Кто – она? – быстро переспросил учитель.

– Да библиотекарша. Говорит, если у кого и есть, так только у вас.

– Ах Марьяна Петровна, – улыбнулся учитель. – Она просто не знает. «Один день Ивана Денисовича» могу предложить. Только вернуть не забудете?

– Чего там Денисыча, я бы про войну... Знаешь, отец, – вдруг пожаловался Алтуня, – я уж и в магазин, и в библиотеку – и все дупель-пусто. – И тут же махнул рукой. На себя противно стало, как расквасился.

– Пойдите, молодой человек! – Учитель смотрел, как на тупку. – Один совет: не спрашивайте больше ни у кого этой книги.

– Да иди ты!.. – Алтуня не мог больше сдерживаться и выскочил скорей из школы, от греха.

– Учитель заспешил следом на крыльцо, но увидел, как к нему подошел милиционер, и, покачивая головой, вернулся.

– Ты чего, Николай? – спросил Алтуня.

– Алтунин, я должен проводить вас в отделение.

– За что, Коля? Хочешь, дыхну?

– Не Коля, а товарищ сержант. А за что – там разберемся.

– Эх... – Ну точно, не человек стал.

В отделении перед столом начальника оказался тот хмырь в шляпе.

– Группа, целая организация! – услышал Алтуня с порога его дерганный шепот, но только вошел, как тот прижмулился. И глаза в пол уставил.

– Ну, что? – сразу набросился начальник. Салага лейтенант сидел. Но уже брыластый такой.

– Что – что? – переспросил Алтуня.

– Ты мне не хами! – стукнул лейтенант по столу. – Я тут задаю вопросы! Предъявите документы!

– Какие документы – на выходной в город приехал.

– Советские люди не ездят в город без документов. Фамилия?

Алтуня назвал.

– Где живешь?

– В Козлищах.

– В Больших?

– Нет, в Малых. Так ведь... – Алтуня обернулся на Кольку. Тот как робот стоял. С отключенным питанием.

– Я тебя спрашиваю, – оборвал лейтенант. – Это у вас, что ли, один недавно жену порубил?

– Ну!

– А чего ты лыбишься?

Алтуня поздно смекнул, что это ему во вред только: все там такие, скажут. Тут Колька – ток включили – заступился.

– Я ж говорю, товарищ лейтенант, земляк.

– Мы все земляки, – начальник внушительно посмотрел на него. – Кроме таких вот. И откуда ты взялся? – прищурился он на Алтуню.

– Говорю, из Козлищ. – Алтуня рассердился уже на брыластого.

Лейтенант чуть коростой не покрылся.

– Ну, выкладывай. Только учти: запирается бессмысленно.

– Чего выкладывать-то?

– Так уж и нечего. Давай хоть про семейное положение.

– А что – семейное. Пока не окрутили.

– Ну знаешь, – зашипел плевком на утюге начальник. – Отведи его в камеру! Пусть подумает. Да ремень, не забудь, сними!

В комнате, которая называлась камерой, Алтуню встретил радостный возглас.

– Саха! А я слышу голос – он? не он? А это ты! – Витек полез обниматься своими коротенькими ручками. – Ну наконец-то. М-лодец. Да ты располагайся!

– Отлипни ты.

– Не ож-дал, – обиделся Витек, но отлип.

Алтуня голову сломал: может, через Витька? Подумали, вместе был? Но сержант скоро вызвал его одного.

В ментовке набралось полно народу. И продавщица, и библиотекарша, и учитель. Только хмырь испарился вместе со шляпой. На его месте восседал какой-то видный, в галстук. Он прикрывал глаза ладонью.

– Все, товарищ секретарь, – тихо обратился к нему лейтенант. – Можно начинать?

– Начинайте, начинайте, – не убирая руки, буркнул тот.

Вдруг раздался грохот кулаков в хлипкую дверь камеры и истошный крик.

– Воды, гады! Воды!

– Это что? – дернулся в галстук.

– Пьяный, к прохожим приставал.

– Пьяный, приставал... Что-то у вас в последнее время процент задержаний растет. Профилактикой не занимаетесь?.. Гоните его в шею.

Витек протрезвел от такой прухи.

– Спасибо, – кивал он лейтенанту. – Сердечное спасибо. – И шепнул Алтуне, проходя мимо: – Говорил, со мной надо. А ты... Деловой.

Алтуня уже словил, что стоит здесь из-за сегодняшнего марш-броска. Только не доходило, что к чему. Когда лейтенант стал выспрашивать всех по очереди про эту книжку, он подумал – показать газету, и кранты. Но тут же передумал, не будет он оправдываться перед ними.

– А я что? – фыркнула продавщица. – Спрашивают – значит, хорошая. А раз хорошая – значит, нету.

– Какой позор! – слезерила библиотекарша. – Как читателям в глаза смотреть. Я ничего не знаю. Нет у нас такого писателя, нет.

– Вот это вы верно сказали, – подтвердил в галстук.

– У меня грудной ребенок дома, – продолжала скулить она.

– Бабу-то отпустите! – не стерпел Алтуня.

– Тихо! – прикрикнул лейтенант. – Вы что скажете?

– Что же тут сказать... – ехидно задумался учитель. – Вероятно, воспитательная работа у нас не набрала еще должной высоты.

В галстук поморщился из-под ладони:

– Все-то вы не договариваете. Дело это наше обоюдно. А вы вот снова в авантюру ввязались.

– Вам еще придется объяснить причину задержания.

– Объясним, – пообещал секретарь.

– А я так думаю, пьяный просто, – высказался сержант.

Алтуня молчал. Ух, попадись ему сейчас этот Солженицын... Хотя, по справедливости, при чем тут Солженицын?

– А ты что молчишь? Алтуня молчал.

– У тебя, говорят, и бумажки какие-то были? – вспомнил лейтенант.

– Вы что, не обыскали до сих пор? – В галстук даже руку ото лба отнял.

Брыластый налился кровью.

– Товарищ сержант!

Колька подошел к Алтуне, тот сам карманы вывернул и протянул клоч газеты. Секретарь на полдороге выхватил его из Колькиных рук. Читал долго, даже на обороте пытался вычитать, а потом отложил и прихлопнул ладонью.

– Все-таки, Алтунин, кто ж тебя надоумил про эту книгу?

– Сами видите – в газете прочитал, – хмуро ответил он.

– В «Книжном обозрении», что ли? – форсонула продавщица и лихо глянула на библио-текаршу с учителем. Тот сморщился, старый-старый такой и неинтересный мужчина, и она высоко отвернула остренький подбородок.

– Газета газетой, – внушительно проговорил в галстук, – но тут написано черным по белому: осуждаем. А ты – в магазин. Как это понимать?

– Почитать же просто захотелось!

– Почитать надо отца с матерью. А книга эта вредная...

– Да я, может, еще больше б осудил! Или что – кому можно, а нам нет?

– Прекрати со своими вопросиками! – взвился лейтенант.

– Не горячись, – остановил его в галстук. – Видишь ли, Алтунин, чтоб осудить вредную книгу, ее вовсе не обязательно каждому читать. О ней писали в газетах, содержание изложили – в основном... – Учитель хмыкнул, но секретарь не обратил внимания. – ...и всякий может понять, что это за клеветнический роман. Тут главное нюх, чутье... партийная позиция, наконец. Вот и откликаются простые труженики в газету. И так и должно происходить. А то, о чем ты говоришь, – это демагогия.

– Неожиданное определение, – встрял учитель.

– Понятно?

– Так, малость. – Алтуня замялся.

– В армии служил? Как отвечать положено?

– Так точно, понятно, – подтянулся он.

– Ладно, лейтенант, отпусти их. А то уж – организация, организация. Чтоб в моем районе!

Валидол глотать пришлось, – улыбнулся, душевно так, секретарь.

– Справку хоть какую дайте, – проскулила библиотекарша.

– А с ним как? – спросил лейтенант, когда остальные вышли.

– Ну а ему, – секретарь прищурился, – пятнадцать суток.

– За что? – вырвалось у Алтуни.

– Уж это как в анекдоте, – весело рассмеялся тот: – Знал бы за что – совсем убил, – и хлопнул Алтуню по плечу. – В армии служил?

– Есть пятнадцать суток, – просек Алтуня и вытянул руки по швам.

Ему тоже стало весело. Видно – свой мужик этот секретарь. Отношение понимать надо. Это у них в полку командир такой же был – строгий, но справедливый. От такого и сутки схлопотать не жалко.

1977

Перед дождем

Вишневые «Жигули» свернули на обочину и, протянув накатом еще немного, осторожно остановились. Мужчина вызволился из-за руля, обогнул капот и распахнул дверь с правой стороны.

– Колено затекло, – поспешил оправдаться он.

– Если тебе так уж хочется... – отдавая спор, женщина подтолкнула наружу лохматого спаниеля и вышла сама.

– Плащхвати.

Она наклонилась было назад, но раздумала:

– Пока не холодно. Мы ведь ненадолго?

Спаниель пронесся по полю к кустам, внезапно провалился в не заметный с дороги овраг, снова появился на глаза, уже за ним, и окончательно скрылся из вида под крутым откосом.

– Шегги! – окликнула женщина, поправляя зачесанные на уши темные волосы вогнутой сердцевинной ладоней.

Собака стремглав возвратилась и встала перед хозяйкой, опираясь уже перепачканными лапами о ее светлые брюки.

– Шегги. – Женщина укоризненно отряхнула земляные следы над коленями и, чуть щурясь, направилась в сторону от машины. Торопясь следом, мужчина забыл захлопнуть дверцу. Перед оврагом женщина замедлила.

– Тут сухо. – Мужчина спрыгнул и протянул ей руку.

Она своей не дала и легко перескочила на другую сторону. Овражек был неширокий.

Реку стало видно, только когда они приблизились к откосу. Склон густо затянуло кривым ольховником, кое-где торчали неказистые березы. В просветах между ветками блестела далекая вода.

– Сойдем? – предложил мужчина.

Спаниель потерялся в густой траве, с визгом выкарабкался повыше и застыл, очумело глядя на них. Женщина улыбнулась.

Вниз вела тропинка, вытоптанная неровными ступенями. Мужчина спускался боком и не сводил глаз с женщины. Когда началась трава, она поморщилась:

– Я промочу так ноги!

– Не промочишь! – и он подхватил ее на руки.

Ее тело было для него легким, но он стал спускаться осторожней – земля под травой раскисла от нудных дождей, подошвы скользили, и приходилось, чтоб не хлестнули, отстранять локтем ветки.

– Уронишь, уронишь! – Женщина стучала ладонью в его плечо.

Он молчал и только плотнее, но бережно прижал ее к себе, как ребенка.

Спаниель рванулся к реке, но следующая волна обдала его лапы, и он, заскулив, отскочил к хозяевам.

– Пусти теперь.

Вода здесь была вровень с берегом – с узкой и гладкой полосой красноватого песка. Через реку стояли, поодаль друг от друга, несколько изб. За ними и далеко в стороны темнел лес.

– Не верится, что там она попадает в город – парапеты, мосты...

– А там как некрасиво. – Вправо над водой громоздилась арка порталного крана.

– Что? – переспросил он, засмотревшись в прошлое: излуцина реки, зелень плотно прикрывает этот песчаный мыс вокруг и сверху – укромный от прохожих глаз клочок берега и жизни. И песок, теплый под ладонью, и белая ночь с линялым диском луны, долгая, тогда казалось – бесконечная.

– Ты не слушаешь?

– Да-да, – спохватился он. – Конечно, дам тебе развод.

– Вот, намочил, наверно, – сказала женщина почти одновременно с ним, опустив взгляд на его туфли. – Говорила надеть на платформе.

– Ты же знаешь, не умею ездить в тех. Ты довольна?

– Довольна, да, – усмехнулась она углом рта. – Зачем, зачем еще эти мучения!

Она ступила к воде. Мужчина нагнал и, притянув ее за плечи, коснулся губами струнки пробора, а потом легонько подул.

– Соринка? – Она запрокинула голову.

– Бревно... Прости, снова я начал. – Он плотно провел по лицу ладонью.

В разрыв облаков пролилось низкое солнце. Мир за рекой и вокруг просветлел, прояснел и словно свернулся – как одна большая, но хорошо знакомая комната.

– Сестре там будет трудно одной.

Мужчина обломил ветку и стал обрывать листья, один за другим, по одному.

– Она могла бы и не ехать.

– Нет, не могла! Ты сам отлично понимаешь.

– Ничего я уже не понимаю. Шегги!

Оторвав последний лист, он размахнулся и бросил черенок вдоль берега. Ветка была легкой и далеко не улетела. Спаниель в мах добежал до нее, схватил зубами и, обогнув большой плоский камень, вернулся к хозяину. Но отдавать не хотел, а подползал на брюхе и снова отскакивал, зазывая играть. Мужчина опустил на корточках и почесал у него за ухом. Пес повалился на песок, подставляя пальцам широкую грудь.

– Как же нам не проявить самоотверженность, да, Шегги?

– Ну что ты говоришь, – произнесла она безразлично и устало, и мужчина не смог остановиться:

– Еще бы, из любви к ближнему, – глянул он снизу вверх. – Только странно ты трактуешь слово «ближний». Те, кто рядом, они как-нибудь стерпят широту твоей отзывчивости. Перетопчутся, – с мучительным удовольствием выговорил он.

– Неужели ты все хочешь зачеркнуть?

– А неужели, ты думаешь, я не вижу, отчего все это: и нежелание выйти вот сюда, и там, перед несчастной канавой, – да вообще? Ты уже зачеркнула, уже улетаешь, пошел на взлет наш самолет! – Он скрылся лицом в ладони.

– Ну прости, – Женщина опустила рядом и отвела его руки. – Просто решила – пусть сейчас, раз суждено. А так... и знать, что ничего этого скоро не станет...

Она дотронулась до его щеки. Он забрал ее руку, вычитывая предначертания жизненных линий, а потом долго поцеловал в углубление ладони. Из кустов раздался писк, хлопанье крыльев, и выскочил пес с птицей в зубах. Две другие, шумно вспорхнув, летели низко над рекой и взволнованно кричали. Пес приотпустил птицу, та забила крыльями, поверив в близкую свободу, но зубы снова вцепились ей в хвост.

– Шегги, не смей! – замахнулся мужчина.

Пес прижмурился и выпустил птицу. Она взлетела, сначала недоверчиво, но потом набрала высоту, оповещая мир радостным вольным криком.

– Это чайка?

– Как мы нелепо выглядим, – очнулся мужчина, увидев со стороны: сам на корточках, и она перед ним, на одном колене, и сел на камень сзади. – Нет, для чайки маловата.

– Может, птенец. Какой хулиган.

Спаниель виновато трусил к ним, мокро шлепая лапами и тяжело дыша свесившимся языком.

– У-у, псина. – Женщина взъерошила ему шерсть на загривке.

Мужчина с замерзшей улыбкой следил за ней.

– Ты исчезаешь на глазах, а я и сделать-то ничего не могу. Как во сне. Или перед смертью.

Она подобрала небольшой оглаженный водой камень и взвешивала его на ладони.

– Я ведь буду знать, что ты – есть. А на самом деле тебя – не будет. Что за глупые слова – «на самом деле». – Слово желая победить иронией то, что не мог одолеть мыслью, он заговорил оживленно: – Вот ведь Магадан какой-нибудь – это реальность. А Париж, ближе раза в три по карте – на самом деле! – несусветная фантастика.

Женщина протянула к нему раскрытую ладонь с камешком, потом сжала и потрясла.

– Так и мы, – сказала она серьезно. – Вроде бы бултыхаемся – любим, страдаем, ненавидим, радуемся, а надоест руке, которая держит, сожмется – и... или разожмется. – Она отбросила камень через плечо. Раздался глухой и явственный всплеск, тут же поглощенный сомкнувшейся тишиной.

Сквозь прорехи туч падали яркие, тревожащие лезвия света. В кустарнике на том берегу сердцевина была юно-зеленой, а вокруг, резко отграниченные лезвиями с неба, льнули к земле мрачные, неспособные оторваться клубы кустов. Но природу не беспокоило такое нарочитое столкновение.

– Скорей бы ты уезжала, что ли. Да, Шегги? – Мужчина уперся подбородком в ладонь и указательным пальцем оттягивал вниз веко.

– Так и не отучила. – Губы женщины дрогнули. – А ты?

Мужчина мгновение смотрел на нее, а потом отвел взгляд.

– Почему? И разводиться не надо.

Он через силу усмехнулся.

– Ну как вдруг оказаться без наших неприятностей и привычных неудобств. И делать-то ничего не захочешь.

Женщина тоже засмеялась:

– Слабб решиться на такое испытание?

– Какие-то иезуитские склонности в тебе пробуждаются. Примерно так же Иоанн Васильевич предлагал спасти душу Курбского, казнив его.

– И все-таки Курбский смог уехать.

– Оригинальное сравнение. Он – князь... Ну ладно, ладно. Курбский смог. Ты еще Герцена припомни. Только не забудь и то, что в эмиграции он перестал жить – только наблюдал и оценивал.

– Отечественная история, конечно, без тебя захиреет.

– Не история, а историческая наука, – не удержался он.

С другого берега донеслась музыка чужого веселья. «Мой адрес – не дом и не улица», – бойко шпарили сплюснутые голоса.

– Тут ты, безусловно, очень нужен. Статьи ценят так, что выдерживают, как коньяк. У тебя уже целый погреб!

– Да ведь не в этом... – Он с досадой мотнул головой.

– А в чем? В этом? – Женщина кивнула в сторону музыки.

Мужчина улыбнулся, как поморщился.

– В чем же? – настаивала она. – По крайней мере, занялся бы настоящей работой. А не выдумывал на каждую ошибочную фразу две прогрессивных... Помню, ты говорил, что только в армии и чувствовал себя действительно свободным. Все твоя теория: чем хуже, тем лучше; стремление к свободе уже само ограничивает ее, Царство Божие внутри нас.

– Да не то. На Руси всегда различали свободу и волю. Свобода – из корня «свой», тут подчиненность окружающим – роду, племени – ради общих целей.

– Убожество это, рабство, а никакая не свобода.

– Но только так и можно обрести самосознание и достоинство. А своеволие, напротив, никогда в чести не было.

– Но внешняя свобода просто необходима.

– Лишь после того, как человек отдал себя общему. Чтоб лучше и полней осуществить свое служение.

– Все равно. Каждый имеет право жить там, где захочет.

– А может, где родился – там и пригодился?

– Это личное дело каждого – все равно как жениться.

– Или развестись?

– Не надо так.

Через реку была переброшена уже другая песня. «Сэн-Фрэнсиско, Кэлифо-ониа, – с настырным бездумием отчеканивала певица, – Ю-эс-эй!»

– Хорошие у нее, наверно, зубы.

– У кого? – Женщина задумалась и не следила.

Он показал на противоположный берег.

– Так и видишь: какой-то праздник, День независимости, что ли, парад девиц в коротких юбочках и сапожках, и они маршируют под эту... Такие, знаешь, непреложно высокомерные и уверенные. Независимые такие. Или провожают славных подводников на каком-нибудь «Джеймсе Мэдисоне»... Какой, все-таки, винегрет. «Мой адрес», – состарился он, вспомнив.

– Почему же. Нам в самый раз.

– Да уж, концерт по заявкам.

За рекой взметнулась стая, сверкнула белизной плотных друг к другу крыльев и тут же рассыпалась, наметив ссадину для воспоминаний.

Женщина подбежала к мужу, снова опустилась перед ним.

– Давай, поедем, – шептала она. – Ради меня, решишь. Ну влюбись в меня!

Он не мог поднять глаз.

– Пойми – я должен быть здесь, видеть, понимать, даже если ничего нельзя сделать. А там мы станем другими. Нужно здесь, вместе со всеми. Я ведь... – он запнулся, – ведь здешний, – договорил, недовольный своими словами.

– Ну да. Ты – русский. Я не способна чувствовать так, как ты.

Он посмотрел удивленно и сжал лицо рукой.

– И даже этого не можешь уже сказать, боишься сболтнуть лишнее, чтоб не обидеть, – с трудом выговаривала она. – Вот до чего мы дошли. Но, может, это и к лучшему. – Она закусила губу.

– Погоди, ты вот вспомнила Андрея Курбского. А почему у Гоголя изменника зовут Андрием? Ведь Андрей значит «мужественный, храбрый». А у него все имена значащие: Остап – «устойчивый», Тарас – «приводящий в смятение». Все соответствуют характерам, а вот Андрий? Не было ли у него в памяти Курбского, когда писал? И вообще пример Курбского – не пример. Он ведь стал воевать против своего народа.

– К чему так много слов! Просто ты меня не любишь.

Он провел рукой по ее волосам и задержался пальцами возле уха.

– Или такой уж великий патриот.

Он резко поднялся, пошел к реке и остановился так, что волна замирала у самых ботинок, а потом затянута откатывалась назад. Темнело медленно, и не темнело, а тускнело как-то. Солнце, как и все эти ночи, не заходило за горизонт, а только приседало. Но сегодня от глубоко заложивших даль туч даже такого нерешительного заката не было.

– Все говорим, говорим, и все одно и то же, – в его голосе слышалось раздражение.

Река оставляла у ног тонкий белый обвод границы, за которую не смела переплеснуть. Женщина, подойдя, обняла его за плечи.

– Ну почему мы словно друг друга обвиняем? Разве тут наша вина? – Она на мгновение прижалась к нему и сразу почти оттолкнула, но ладонь сама задержалась на его плече. – Знаешь, ты, кажется, не закрыл машину.

– Да-да, машину... Тестеву машину жалко.

– При чем здесь – тестеву?

– Нет, я так.

– Тебя что – задевает, что отец продает машину, чтоб отдать нам с Томой деньги?

– Зачем ты! – Он поколебался и добавил:

– Я ведь и сам меняю квартиру, чтоб для тебя хоть сколько получить.

– Ну вот. И квартирой уже попрекаешь. – На глазах у нее появились слезы.

– Как тебе в голову пришло?

Страхнув оцепенение, он повернулся, решительно зашагал к склону, но на полдороге встал.

– А может, ты уже хочешь поехать?

Она помотала головой, и оба они с облегчением засмеялись двусмысленности вопроса.

– Шегги, за мной!

Женщина следила, как они мерно поднимаются по кустистому откосу, сделала шаг догнать, но удержала себя и отвернулась.

Сквозь суженные веки она смотрела на темнеющее в тучах небо, потом на реку. Река сердито гудела в песок. Присев чуть боком, женщина зачерпнула воды ладонями. Когда вся пригоршня стекла, на коже остались налиплие черные крапинки. Она брезгливо смыла их, плеща на руки.

Спаниель тащился нехотя, то и дело оглядываясь на хозяйку. Мужчине приходилось подгонять его, но, увидев вдалеке освещенную машину, пес рванулся туда и, прыгнув в раскрытую дверцу, улегся на сиденье.

– Что, приготовился? – подходя, приговаривал мужчина. – Вылезай, рано.

Пес недовольно спрыгнул, но, вспомнив, радостно устремился назад к реке.

– Шегги, сюда! – И псу пришлось вернуться.

Мужчина захлопнул дверь, повернул ключ, но возвращаться не спешил.

Дорога была пуста. Вдали стоял печально и резко обведенный смеркнувшим воздухом хутор. Ветер шумел листьями похоже на дождь. Последний раз появилась стершаяся почти до цвета неба пленка луны и окончательно скрылась в тучах. Небо стало низким, но темным не до конца и оттого тревожным: ни день, ни ночь – бесконечно растянутые сумерки. Мужчина пристально вглядывался вокруг, а потом просто долго стоял – один под близко нависшим небом. Пес заскулил.

– Вот так, псина, – очнувшись, проговорил мужчина устало и пригнулся погладить его. Пес лизнул хозяина в щеку. – Все-то она забыла и ничего не вспомнила. – Мужчина прижался к нему, но сразу выпрямился и пошел назад к реке, вначале медленно, но все ускоряя шаг.

Забыв, что впереди канава, оступился, это словно подстегнуло, и он побежал. Рот приоткрылся, кожа еще туже обтянула скулы; он будто догонял ускользавшее, и только когда выскочил на берег, напряжение сменилось улыбкой, но дышал он тяжело.

Пес обогнал его по дороге и первым примчался к женщине.

– Что, угнали – что вы такие радостные?

– Ага. – Мужчина кивнул, схватил жену за руки и закружил. Ему вдруг сделалось почти счастливо. Но так же внезапно он остановился, женщина шагнула как подкосившимися ногами к нему и прислонилась виском к его груди.

– Знаешь, такое чувство – будто и не расстаемся вовсе. И так хорошо...

– Если б я так тебя не знал – я бы схватил тебя, прижал и никогда никуда не выпустил. Такое бессилие...

– Не смотри так.

– Как?

Она провела костяшками пальцев по лбу, задевая волосы.

– Нет-нет, мне хорошо. Только больно.

Он подул ей на пробор.

– Соринка?

Но он не поддержал. Вдруг женщина ойкнула.

– Капнуло? И на меня. – Он посмотрел вверх.

– Песок потух. А помнишь, какой был сначала? Розовый какой-то. – Она чертила на песке носком туфли. – Почему так: стоит заговорить – и в словах теряется что-то...

Капли падали отдельно и редко. Поднимали легкий столбик пыли и расплывались в ровные пятнышки на песке, а на камне сворачивались в живое и дрожали, как от холода.

Женщина тесно сдвинула щеки в ладонях, а мизинцами терла переносицу. Полные губы некрасиво выдвинулись вперед. Мужчина медленно приблизил к ней свое лицо и осторожно и затянута тронул губы своими.

– Нужно ехать. Зачем только машину бегал закрывать? – бодрясь, проговорил он. – Прямо домой, хорошо?

Женщина благодарно улыбнулась. Когда он попытался взять ее на руки, чтоб пронести через траву по откосу, она отстранилась:

– Не надо, – и, спохватясь, пояснила: – Все равно сырые – река.

Он поднял на руки пса и понес бережно, как ребенка или женщину.

У машины женщина попросила:

– Я сяду сзади, ладно?

Спаниель устроился на сиденье рядом с хозяйкой и вытянул морду ей на колени. Она включила в кабине свет.

– Слушай, а ты специально привез сюда? Мужчина не ответил. Он второй раз повернул ключ, пытаясь завести двигатель, и, вероятно, не расслышал. Освещенная изнутри машина костью застряла в клубящейся темноте. Стекло скошенной проекцией отражало кабину, а дальше этого, удвоенного ночью, пространства, где остались они трое – муж, и собака, и женщина, – ничего не было видно.

– А знаешь, мне до сих пор так кажется.

– Как? – Он понял, но хотел, чтоб она повторила.

– Что и не разлучаемся вовсе.

– Если ты уедешь... – не докончив, он зажмурился и уронил скрещенные руки на руль. И не видел, как она улыбнулась тайной женской улыбкой, глядя мимо него в свою счастливую даль.

Справившись с собой, он снова включил зажигание. Двигатель мягко зашелестел. Мужчина медленно вывел машину на шоссе.

– Опять, кажется, сцепление на третьей передаче рвет, – заметила женщина.

– Да. Наверно, синхронизатор, – подтвердил мужчина, но на четвертую скорость переключился с таким же рывком.

Струи дождя заливали ветровое стекло. Щетки едва успевали раздвигать их потоки. И потом, всю эту самую короткую ночь, лил непрерывный дождь.

Шегги не знал, что написано рядом с почтовым ящиком. Из букв он умел разбирать только «Вход с собаками запрещен» – да и то эта надпись была перед садом, еще когда жил на старой квартире. И теперь он не понимал букв, но чувствовал, что хозяину неприятно их видеть.

– Что ж ты, Шегги, – укоризненно, но мягко говорил хозяин. – Что делать будем, а, псина? Если б ты знал, что про нас пишут.

Шегги не знал и жался к ногам хозяина, с тоской и желанием помочь заглядывая ему в лицо – такой грустный был голос.

Откуда было ему знать, что кривыми поспешными буквами, ярко-красной несмываемой эмалью, на стене рядом с их почтовым ящиком было выведено (и почему-то во множественном числе):

НАШИ СОСЕДИ СВОЛОЧИ

ИХ СОБАКА ВОЕТ ПО НОЧАМ.

1977

Странник

Явственно вижу: 1914-й год, я еще молод, канотье, светлый костюм – пиджак по отворотам обшит шелковой тесьмой, и у меня молодая жена. Жена уехала отдыхать на Взморье, я следовать за нею не мог по обстоятельствам службы и принужден был в это душное лето до отъезда за границу оставаться в городе. К исходу месяца разлуки стало ясно, что необходимо, наконец, избавиться от неразумно выматывающего чувства отсутствия жены и женщины, и я не долго размышлял, как это осуществить.

Зайдя в одно из «ателье», что на Сенной, я спросил квартиру. Хозяйка готовно назвала адрес и предложила мне в спутницы девушку, вызванную из помещения за перегородкой. Я даже не взглянул на нее, и хозяйка заволновалась: «Или сами выбрать желаете?». Постаравшись уверить ее, что это излишне, я предложил девушке руку, и мы вышли. Кроме того, я захватил в ателье купальные туфли и халат.

Квартира была неподалеку, извозчик скоро довез нас. Спутница моя, конечно, хорошо изучила дорогу и уверенно поднялась к дверям в третьем этаже. Отперев бесшумный замок, она сразу поторопилась в комнаты, взяв с собой свежее постельное белье из сакvojа, бывшего с нею. Я вошел следом, но в комнаты проходить не стал, решив прежде переодеться в ванной.

Направляясь туда, я случайно заметил, как из раздернутой поношенной пасти сакvojа выглядывает что-то трогательно голубое. Очевидно, это был ее капот, но тут же я забыл об этом, ибо вместо ванной оказался в ватерклозете и не сразу сообразил, что всего лишь ошибся дверью. Ошибка отчего-то так подействовала на меня, что я несколько растерялся, здесь же, в столь неподходящем помещении, переменял туфли, но, к счастью, опомнился и, набросив халат на плечи, вышел. Следовало бы посмеяться над своей незадачливостью, но улыбки не получилось. Принимать ванну я уже не хотел.

Сквозь раскрытую дверь из передней было видно, как девушка взмахивает простыней, расправляя ее над кроватью. Полотнище взлетело – девушка потянулась руками вслед легкому парению – и почти без сопротивления опорхнуло вниз, укрывая нечистый, как я успел заметить, матрас.

Тогда будто дыхание ветра из комнаты – движение застоявшегося, еще хранившего человечье тепло предыдущей ночи воздуха – стеснило мне грудь. Я стянул у горла ворот халата и вышел на лестницу.

В конце площадки было окно, но рама оказалась забитой гвоздями. Летняя петербургская ночь застыла меж деревьями. Ее ненадежность усиливала случайную тревогу. Я зажег спички, проверяя, трясутся ли еще пальцы, и потом вернулся в квартиру.

Теперь я увидел, что комната здесь одна. Девушки в ней не было, но меня лишь обрадовало, что остался в одиночестве. Слева у стены стояли, плотно сдвинутые, несколько застеленных кроватей. Я с облегчением понял, что белье на всех них мятое и нечистое. Но ближе к окну, прямо на стулья, была положена сетка с матрацем, который только что застилала моя спутница. Спинки кроватей валялись по всей комнате, но, очевидно, собрать из них ложе одной ей оказалось не по силам, а меня она не дождалась. Вид комнаты почему-то не удивил меня, хотя кто мог тогда предположить его соответствие нашему ближайшему будущему.

Обгорелая спичка, которую я продолжал держать в пальцах, желая показать, что выходил просто выкурить папиросу, стала ненужной. Я бросил ее на пол, и, должно быть от несвойственного мне движения, вновь, с еще большей силой, постигло ощущение потерянности. Я подавленно опустился на стул. Слезы сами собой текли по лицу.

Девушка выходила переодеваться. Она возвратилась в комнату в своем голубом ночном платье и, взглянув в мое лицо, все поняла. Глаза ее были голубыми, или так только казалось из-за платья, но в них сгустилась некая твердая темнота, когда она произнесла: «Теперь с вас

восемь рублей». Зачем-то я стал соображать: хозяйка назвала цифру «десять», так неужели так низко ценится все **это**?

Девушка уже улеглась на своем шатком сооружении, повернувшись ко мне спиной, и отрывисто бросила: «Не смейте подходить ко мне теперь».

Голубое ее вздернулось, когда она ложилась, а натянуть как следует одеяло ей словно не хватало сил, и светлый угол кожи ее бедра был виден мне. Но это внушало лишь необъяснимую жалость. Девушка лежала, я оставался бесчувственно сидеть, как постепенно мне стало казаться, что край одеяла вздрагивает на ее плече.

Она рыдала. У меня чуть раньше просто текли слезы, а она рыдала, силясь подавить звук.

Я оказался рядом с ней, осторожно присел с краю, опасаясь опрокинуть неустойчивое ложе. Девушка мгновенно и легко обернулась ко мне и стала так близко, что я ощутил ее мягкую теплую грудь. Руки ее плотно обхватывали меня, лишь вздрагивали при каждом рыданье, и я боялся пошевелиться. И словно озарило, к чему было все это сегодня: и первая растерянность, и удушье, и внезапно потекшие слезы. Словно я познал всю женскую боль – боль жены, боль этой девушки, боль моей рано умершей матери. Я переживал эту боль, и одновременно с ее проникновением меня явилось знание: я ничего – ни в этой жизни, ни когда-либо потом – не могу с этим поделать. Жить с таким оставалось невозможно.

Когда я очнулся, девушки уже не было. На полу валялись восемь рублей – очевидно, порыв ветра, распахнувший окно, сдул их со стула. Я не стал поднимать деньги, будто еще надеялся такой ценой оплатить открытие, в которое столкнула меня сегодня ночью эта комната.

Проведя неделю в безмыслии предотъездных хлопот, отгоняя тягостное стремление к встрече с девушкой из ателье, я отправил письмо жене и уехал за границу со служебным поручением. Объявление войны, близость которой все чувствовали, но не верили, что она уже сегодня сметет наши повседневные заботы, удовольствия, надежды, застало меня в Париже.

Я пытался пробиться на родину, но это оказалось невозможным – меж нами была вся воюющая Европа. Оставался иностранный легион, и жизнь, предлагавшая самые простые задачи – наесться, напиться, выжить, – устраивала меня. В конечном счете, она прятала открытую мною пустоту за неотложностью своих коротеньких проблем и спасала меня от себя самого.

Лишь много позже, сквозь корявое течение дней, я словно расслышал призывный скорбный голос жены. Словно настал час, когда я мог доплатить к тем восьми рублям и рассчитаться полностью – так почувствовал я и вступил в Добровольческую армию. Но жену больше никогда не увидел.

Потом... потом – Константинополь, Германия, вновь Франция – святые камни Европы, которые утратили ореол святости, коль скоро возвращение в отчизну стало невозможным. Однако под телесной болью ран боль жизни, открывшаяся мне подслеповатой горчащей ночью, отступила. Я не знаю, радоваться ли этому я должен, или испытывать печаль. По крайней мере это еще помогает существовать.

1978

Жибрунов и Борболин

Самому странно, что назвалась эта история именно так, а не в обратном порядке имен. Суть-то в том, что жена ушла (о чем пойдет речь) от Борболина и даже не к Жибрунову, а ни к кому. «Знаешь, надоело мне все это», – сказала и ушла. Уехала на метро к родителям.

А Жибрунов – так просто. Сослуживец, приятель, можно сказать, Борболина. Сбоку припеку – столы их рядом стояли, и Борболину нравилось, как, например, возвращается Ираида Степановна с обеда и сыто закатывает глаза: «Наелась – как у Христа за пазухой», а Жибрунов, еле сдерживая смех, но на вид абсолютно серьезно: «Да? И чем же *там* кормят?». И вообще с ним интересно было общаться – умный, острый, стихов много знает.

Ну, жена ушла и ушла, поначалу Борболин особого значения этому не придал. Но в субботу она появилась и молча собрала вещи. Борболин растерялся и вызвал такси. А она даже лыжи забрала. Хотя зачем они ей в начале лета? – с недоумением подумал Борболин, когда их никак было не пристроить в машине, пока водитель не догадался положить вдоль. «Разделил я вас, – улыбнулся он понимающе (большой, как все таксисты, психолог), потому что Борболин с женой очутились по разные стороны от лыж. – Ничего, скоро приедем». – «Это-то ничего», – со значением усмехнулась Борболина, и мужу стало ясно, что происходит нечто серьезное. Да еще укачало его – давно в такси не ездил. Еле дотащил чемодан и лыжи до дверей. Жена вынесла воды, а он был настолько обескуражен, что даже постеснялся спросить какую-нибудь конфетку пососать.

Интересно, что бы сказал Жибрунов в такой нелепой ситуации, когда тошнит от расставания с женой? От встречи – еще хоть мужским фольклором оправдано. Но встречи как раз не предвиделось. Это стало совершенно очевидно, правда, несколько умозрительно. В глубине Борболин этого не чувствовал.

Жизнь проходила, в общем-то, как обычно, слегка прихрамывая от аванса к получке и обратно. Завтрак он и всегда сам подогревал, обедал на работе, только с ужином приходилось сложнее. Но когда догадался готовить его по принципу завтрака, и тут наладилось. Правда, кое-какие неудобства оставались, которые он *понимал*. И лишь позднее понял, что *не чувствует*.

Стало странно. В том месте, где по топографии чувств должно было свербеть и сжиматься до головокружения, зияла дыра.

Борболин пытался вспомнить: в последний раз жена болела – зима, а ей мороженого захотелось; осенью ездили за город, красиво.

Все не то. Даже какие-то интимности ничего сильного не возвращали. Колыхнулось что-то, но как бы сбоку и словно не совсем о нем.

Книги объяснения не давали. Дела героев в таких случаях шли из рук вон, вплоть до наложения на себя рук. В плоть их входила смертельная тоска, а следом и кусочек свинца. В самом бескровном варианте злодей испытывал злобную радость. Некто совсем уж немужественный ощущал облегчение. А тут – ничего, что само по себе настораживало.

Борболин решил, что лучше всего посоветоваться с живым человеком. Хоть вот с Жибруновым – умный, острый. Рассказать не прямо о себе, а так, мол, и так, один знакомый... В плане психологической задачки: а ты что думаешь?

Получив аванс, он предложил Жибрунову пойти в ресторан. Тот отнекивался – слишком дорого, лучше уж взять бутылочку и так, где-нибудь. Но Борболину обязательно хотелось нейтральной территории и располагающей ресторанной ауры.

– О деньгах не беспокойся, деньги есть. – И брякнул, не подумав: – У меня жена ушла.

Он не собирался этого говорить, само вырвалось, чтоб доказать – действительно есть деньги, но Жибрунов уже поймал – лицо стало сдержанно-трагическим – и не мог больше отказываться.

Беседа долго, рюмки три, не клеилась. Жибрунов серьезно, с пониманием, молчал, а Борболину неловко было заводить свой разговор под его внимательным сочувствующим взглядом. Ну вот, и все так глупо, думал он, так со мной и должно быть. Пригласишь человека, а поговорить и никак. Он чувствовал неудобство, какая-то щетинка колола сквозь подкладку их молчание.

Жена была права, когда ругала, что он мало разговаривает с нею.

– Женщина всегда права, – поддержал Жибрунов, и Борболин не удивился его вмешательству в мысли.

– Да, да! – подхватил он. – Но ведь и не совсем, а?

– Конечно. Все дело в уровне: на своем она права безусловно, а приподними планку...

– Вот-вот! Уровень, точка зрения...

– Но в том-то и дело, что всегда приходится общаться с женщиной на ее уровне. Заведомо проигранная ситуация. Так крепко стоят они на земле.

– Еще бы. А у нас-то, на том уровне, такой точки опоры нет. Но ведь и им нельзя же так.

– Ну, тут природа. Даже вот смещенный центр тяжести... – Жибрунов налил.

– А самое страшное, – застыв взглядом на поднятой рюмке, Борболин сморщился в древнегреческую маску, – что я ничего не чувствую. Ничего. – Рука его кочегарно забросила жидкость из рюмки в рот. Маска сменилась на другую, из финальной сцены. – Понимаешь?

Жибрунов на выдохе кивнул. Еще бы он не понимал!

Как хорошо все-таки, что бы там невнятное ни крылось за обозримым горизонтом, когда здесь, рядом, тебя кто-то понимает.

– Но – ни слова. – Борболин переживал катарсис. – Она – замечательная женщина.

– Женщина... – не совсем точным эхом отозвался Жибрунов.

– Нет, ты не прав, – осмелел Борболин. – Я не потому, что выпил. Она действительно...

– Да я знаю. Редкая жена.

Жибрунов вздохнул, приподняв плечи. Он уже подустал, скованный необходимостью попадать в блуждающую десятку, и с облегчением услышал:

– Ладно. Все. Почитай лучше что-нибудь.

Борболин оперся щекой о кулак. От «не жалею, не зову, не плачу» подкатывали слезы, но «упоеание в бою и бездны мрачной на краю» высушивало их мужественным огнем.

– Да... – вздыхал Борболин («На свете счастья нет...»). – Точно...

– Не огорчайся, Коля. – Жибрунов накрыл его руку ладонью. – Как говорил Толстой, все образуется.

Борболин обмяк, тепло и необыкновенно стало, что его называли по имени. Он привык даже от жены слышать бульканье своей фамилии, а имя прозвучало так нежно, ласково. Он умилился собеседнику и самому себе.

– Будет и на нашей улице... – и, чтоб не заплакать, сгреб в кулак фужер. Фужер ожил, но не долго мог вынести это непривычное стеклу агрегатное состояние. Жибрунов подобрал осколки и попытался спрятать их в карман.

– Ну что, мальчики? – монументально выросла рядом с их столиком официантка.

– Он – настоящий поэт, – сказал Борболин невпопад.

– А он – композитор. Ищет звук разбивающихся надежд.

– Вот именно! – Борболин обрадовался здравому объяснению.

– Композитор, – не совсем поверила официантка. – Два рубля, – и сразу раскрыла свои карты: – А то милицию зову.

– Хоть три, – спасовал Борболин, и официантка сорвала банк.

Жибрунов добрался до «бросьте же борьбу», но Борболин его уже не слышал – он уже почувствовал. Только не было ни сил, ни времени, чтоб обрадоваться этому как факту, потому что и факта не было. Это уже не факт биографии, когда поглощает и сминает человека, а что-то похожее на судьбу, которой противопоставить нечего, кроме жалобы, слез, саркастической усмешки, обреченного вызова. Вот он, напротив себя: пустота в обводе костюма, черная дыра, куда бездонно сыплются мысли, чувства, разбитые надежды. Все стало больно и отчаянно.

– Слушай, пойдём куда-нибудь?

– Куда? – готовно отозвался Борболин. Идти, действовать, доказать.

– Ну... – Жибрунов неопределенно покрутил в воздухе пальцами. – А у тебя некуда?

Очувтившись на улице, Борболин ощутил подъем и выскочил на мостовую. Махал рукой проезжавшим машинам, яростно грозил вслед ускользавшим габаритным огням. «Сейчас, сейчас!» – кричал он Жибрунову, но автомобили огибали его, не останавливаясь. «Давай сюда, дорогу перекроем!» Он подбежал к тротуару, за Жибруновым, но того не было видно.

– Чего там перекрывать, я подвезу, – посочувствовал какой-то мужик в форме.

Борболин даже не обрадовался нечаянной удаче. Так и должно быть.

– Сейчас, погоди, только Жибрунова... – Показалось, тот мелькнул у входа. – Сеня! – Нет, показалось.

– Ладно, обойдемся без Сени. Полезай.

Машина стояла тут же. Милиционер подсадил Борболина и сел сам. Борболин наклонился к шоферу через окошко:

– Едем к жене! – Решение пришло только сейчас, но было единственно верным.

– И мне к жене... – еле выговорил из темноты кто-то напротив.

– Да ты... я тебе за свою жену... – Борболин рванулся к его лацканам, но пока отыскивал их у ватника, невидимая сила отбросила его назад на жесткое сиденье.

– Без рук! Все к женам попадете. К теще на блины. – Старшина гордился, что не потерял чувства юмора на своей тошнотворной работе.

И тут Борболина вырвало.

Когда пришла бумага из вытрезвителя, Борболина решили разобрать на профсоюзном собрании. Почему-то вообще приняты собрания, на которых разбирают, но никто не догадался ввести каких-нибудь разбираний, чтоб собрать.

Конечно, Ираида Степановна первой вступила в открытый бой с распушенностью и хулиганством, вставляя давно забытые термины. Обилие раздумчивых междометий делало ее речь похожей на осмысленную. Начальник высказался, как всегда, весомо и аргументированно. Слова его были безошибочно верны.

Борболину было тошно и стыдно. Провалиться сквозь землю мешала только неуместная честность третьего закона Ньютона.

Большинство, по обычаю, предпочло бы отмолчаться, но боевитый задор пожилой женщины, а также содержательность выступления начальника оживили массы и многих заставили высказаться. Раздавались, правда, и соглашательские голоса, но в основном осуждение было единодушным. Даже Жибрунов не удержался, что это все же безобразие. Единогласно постановили лишить премии и не давать отпуска летом – только Ираида стояла за более решительные меры, да один из техников, разобранный в прошлый раз, воздержался.

Борболин обрадовался, когда все наконец закончилось. Но радость была непродолжительной – стоило вспомнить, что говорили о нем. А вспомнить стоило, потому что говорили справедливо. Только все равно это не укладывалось в голову, а постоянным ванькой-встанькой вывертывалось из скользких пальцев стыда «не может быть». А потом снова со спины слезала кожа, когда он понимал, что и пьяным, и хулиганом, и в милиции был он сам. Что ж, возмездие по заслугам. Хотя могли бы ограничиться и одним каким-нибудь взысканием. Ведь никто даже

не поинтересовался, что и как на самом деле случилось, в голову никому не пришло. Но мог хоть намекнуть Жибунов. И ведь сам тогда был с ним, сампил и даже на его деньги. Хоть дело совсем и не в деньгах.

Борболин включил телевизор. «Время» шло, но как-то не смотрелось. Он проговаривал множество вариантов серьезных и одновременно остроумных возражений. Вот так, выдержанно, достойно. Он сам сумеет ответить за свои поступки.

Когда зазвенело в ушах, он машинально подошел к двери. За порогом стояла жена, ногой поддерживая чемодан.

– А где лыжи? – ничего лучшего не мог он придумать.

– Лыжи? Зачем нам лыжи? – Она шагнула к нему, пала на грудь. – Я все знаю.

Чемодан поколебался и тоже упал.

Такой ночи Борболин еще не знал.

Лодка неспешно плыла, миновали край света, достигли края тьмы. Там оказался серебристый залив. Где-то далеко, как в каменном тазу, перекатился гром. Но затихло без последствий, обошло стороной.

В саду за домом мама варила варенье. Из-под доньшка ложки – он не успевал донести до рта – срывалась оваловая капля.

Уже вынесены вещи, в опустевшей комнате – лишь осадок лета, то, что вспомнить через тридцать лет. Пыльный прямоугольник на месте дивана, и свет не прикрыт абжуром.

На берегу озера, уроненного с неба, тень жены была прозрачна, и сквозь нее темнела трава. На берегу озера, где дождался и переживал чуть скошенную солнцем и восстановленную памятью тень, складывалась вечность, обрамленная мигом, когда дождь внезапно по воде, траве, пыли, – и он обнял ее, хоть чуть-чуть защищая руками.

Только однажды он споткнулся, начав было: «Не понимаю, как Жибунов...». – «Не думай об этом. Все равно у тебя премия маленькая, – сказала жена, лодка черпнула воды, но тут же выправилась: – А я тебя все равно люблю. Ты – настоящий... Можешь закурить, если хочешь», – добавила она, помолчав.

Лодка качалась, открытая звездам.

Жибунов поглядывал с улыбочкой.

– Пойдем покурим? – предложил, напрягшись, Борболин.

Но когда вышли на лестницу, Жибунов опередил:

– Ну, приговоренный, как себя чувствуем?

Борболин отупел, но все-таки собрался:

– Зачем ты это сделал?

– Что? – посмотрел Жибунов непонимающе.

– Зачем голосовал?

– Чудак-человек, а ты не голосуешь? Мало ли за что голосуем.

– А выступал зачем?

– Ты даешь. Ну выступал. Это здесь я могу сказать: молодец, Колька, не ожидал! А ты и вправду так и выдал ментам, что композитор?

– Я тебе не Колька! Убери руку! – Борболин дернул плечом.

– Хорошо, хорошо, не сходи с ума.

– Это ты сошел с ума. – Борболин приблизился к нему. – Ты что, думаешь... думаешь... – и, не находя слов, неловко, раскрытой ладонью, ударил.

– Коля... – Тот поднес сигарету ко рту, но затянуться не удалось.

Борболин переступил и почувствовал надежное равновесие, особенно удачную точку опоры. Из прежнего ничего что-то раскручивалось, вырывалось. Жибрунов зацепил урну, та опрокинулась и, переждав мгновенье, загрохотала по ступеням.

Выбежали из соседних комнат, замерли, не решаясь вмешаться, так Борболин был велик.

«Остановите его!» – человеколюбиво взвизгнула Ираида. Борболин принимал как должное свое тяжелое ликование. Сигарета наконец вылетела из пальцев Жибрунова, осыпаясь искрами.

Борболин почувствовал себя, как какой-нибудь древний бог, и тогда ему стало скучно.

Версия о сумасшествии Борболина сразу была отмечена. Начальник вызвал его к себе.

– Пишите по собственному желанию, – проговорил он.

– Нет, – отвечал Борболин.

– Тогда придется по статье.

– Я свободен? – сказал Борболин.

Возвращаясь домой, он бережно нес свою любовь, справедливость и силу. Ему было покойно и вольно. Но дома жена уже собрала чемодан.

– Я так больше не могу. – (Как быстро, однако, разносятся вести!) – Как ты мог – из-за какой-то премии...

Он не в силах был что-либо объяснить. Он понял, что испытал в минувшую ночь и еще не успевший завершиться день едва ли не все, отпущенное человеку, и чувствовал так, будто пережил себя лет на пятнадцать.

Назавтра Жибрунов подошел как ни в чем не бывало.

– Старик, поговорил о тебе с шефом. Ты еще можешь подать по собственному желанию.

1979

Детки в клетке

Жили-были муж да жена. Складная пара, и даже имена выпали им одинаковые, а потому жену называли Саша, а мужа – Саня. Дом не то чтоб полная чаша, но «запорожец» имелся. Квартирка вот маловата, зато окнами на залив, да на двоих и такой хватало. А детей у них не было, хоть любили, что называется, друг дружку. Саня даже гордился – отбивать пришлось Сашу. Драться даже – все, как водится, вплоть до того, что Петр, говорили, начал спиваться.

Хотелось вот только ребеночка. Врачи темнили, мол, что-то повернуто у Саши не как надо. Смирились почти. Все ж таки достоинство слесаря высшего разряда, да и торговый работник весьма уважаем.

Жили себе и жили, пока – смех и грех – не угодила Саша под собственную машину. Саня ехал из гаража к дому, чтоб прокатить за город, и засмотрелся на ребятишек, возившихся у котлована. А она вышла встречь и тоже туда глядела.

Сразу погнал в больницу, там помазали йодом, накапали валерьянки и отпустили. Саша посердилась, конечно, а потом как-то запросила огурчика. И снова понадобилось к врачу – видно, после толчка все на места у нее развернулось.

Нет худа без добра. Когда подначивали в бригаде: «Как запорожца-то назовешь?» – Саня довольно-таки улыбался. А меж собою решили – Богданом. И если девочка – тоже Богданой. Красивое имя, редкое. Если такое есть. И со значением.

Саня готовил, прибирал, носил на руках, пеленать учился, пылинки сдувал. К каждому толчку прикладывал ухо, переживал. Срок пришел – отвез на своем «запорожце», проводил до палаты, взял отгулы, стал ждать. Какое ждать! – телефон оборвал, пока не услышал:

– Приезжайте.

– Кто? рост? вес? – Но там уже брякнули трубой.

С букетом гвоздик, цивильно одетый, при галстукке, Саня подрулил к подъезду. Бережно забрал у сестрички сверток, опустил металлический рубль в оттопыренный, как водится, карман. И на радостях не заметил лица жены.

А дома, распеленав, и сам такое вытянул.

– Может, подменили? – через час встрепенулся он.

Саша молча предъявила бирку.

«Уж лучше б негр какой родился», – по отчаянью не подумал Саня.

– А что врачи говорят? – еще через час сообразил спросить.

– Что говорят! Феномен, говорят. Загадочное и непонятное явление природы.

– Вроде летающих тарелок? – сдуру вырвалось у него.

Саша зыркнула с укором и надолго расплакалась.

Уж явление. В мире любопытных фактов это интересно знать, о чем писали газеты сто лет назад. «Жительница нашего города, жена слесаря 6-го разряда вчера родила автомобильное колесо». Их нравы. Колесико, правда, маленькое и накачено вполсилы, но как всамделишное: крышка, камера, колпак крестом. Припомнили, что и живот был какой-то не такой, и не стучало там, а вроде как посвистывало. Задним-то умом.

На звонок из центральной клиники ответил не своим голосом:

– Здесь такая не проживает, – и провод с мясом рванул.

Колесо забросил на антресоли – и не видеть, и не вспоминать. Да где там! Саша переменилась, не подпускает к себе, Саня прикоснуться боялся. Так и лежали на одной тахте поодаль, будто врозь. Только что в один потолок смотрели.

– Слышь, беру сегодня инструмент, – заговаривал он, – ну, с антресоли, надо было... так это...

– Прекрати, не напоминай!

– ...вроде как подросток.
– Не выдумывай.
– Я стоял тогда ставил, а тут на бок упало, не вмещается.
– Ну-ка, покажь.
– И вроде как от «запорожца». – Тут Саня сообразил: – Во кайф! У меня давно резина лысая.

Саша села на тахте.

– Саня, только как на духу, ты о чем тогда думал?
– Когда?
– Ну после как меня задавил?
– Почему я помню.
– Не крути!
– О тебе думал. Как же так, думаю, чуть собственную жену собственной машиной...
– Собственник нашелся тоже. А еще?
– Жалел тебя. Разве помнишь!
– Саня, как на духу! – Взгляд стал, будто у нее попросили жалобную книгу.
– Ну...
– Машину тоже жалел? Что резина лысая? Саня дрогнул:
– Ну, может... маленько.
– Петя! – Она всегда называла мужа так, когда хотела выразить отношение. Только Саня уже смекнул:
– А ты?
– Я! – Саша всхлипнула (жалобную книгу пришлось-таки выдать). – Все тупая эта морда перед глазами, и колеса так и наезжают, так и наезжают...
– Знаешь, – вновь осенило его, – давай подумаем вместе о ребеночке?
– Иди ко мне... – Она, видно, тоже соскучилась.

Соскучишься тут! Как ни береглась, как ни пила соки, ела фрукты-овощи – через девять месяцев родился пупс. Ручки, ножки, глаза открывает и уже «мама» говорит, спиногрыз. Рановато.

Саня не пошел вразнос только потому, что еле успевал от профессоров отбиваться. Те дошли – на дом стали приезжать. Открывал дверь:

– Нет. Уехала к родителям. Отдыхает в санатории. Посадили за растрату.

Подействовало.

Только пришла беда – отвори ворота. Саше в магазине какая-то стерва жалобу накатала. Сытый голодного не разумеет. У самих-то такого не рождается.

– Все ты накаркал! Посадили, посадили.

– Ну ладно, что ты. У многих вообще ничего не рождается.

А ведь верно! И чем, если разобраться, не жизнь, когда все, что пожелал, родить можно?

– Нет уж! – поначалу не соглашалась Саша. – Больше я в роддом ни ногой.

– Выпишем бабку из Старой Руссы. Она там знатная повитуха.

Родителям не сообщали с первого раза, думали – сюрпризом. Был бы им сюрприз. Но бабку ради такого случая можно было рискнуть пригласить.

– Давай, к примеру... – задумался Саня, – цветной телевизор. «Футбол-хоккей по цветному – кайф!»

– Интересно выходит: колесо – тебе, телевизор – тебе, – раскусила Саша. И не согласилась еще и принципиально: должен же он осознать, кто тут главное лицо. – Для начала родим мне кожпальто. Австрийское.

Колесо маленько не доросло, но Саня смолчал: подумает – обвиняет.

На всякий роток не накинешь платок. Сашу вызвал завмаг.

– Говорят, снова собираетесь по декрету? Видите ли, Саша, если б... А то у вас (ну все насплетничали девки!) какой-то предмет...

– А я что – так и должна с предметом за прилавком таскаться? Я не человек, да? Продавщица?

– Нет, мы вас ценим...

– Ага. Премии как раз лишили.

– Так ведь по жалобе.

– И еще будут!

Сговорились за свой счет. Ко времени выманили старорусскую бабку.

– И правильно, внушеньки, – шелестела она. – Враши ой недюжи ныне. А ты, голубушка, не бойша, я воробей штреляный!

– Ты сама, бабуль, если что, не бойся.

Среди ночи бабка растолкала Саню.

– Шкорей, воду штавь, полотенеч неши! И ношу не вышовывай!

Он и не высовывал, пока не услышал крик. Подхватил заготовленный нашатырь и стремяглав в комнату.

Саша, довольная, лежала на тахте. Бабка валялась на полу – не понять какая. И на старуху бывает проруха. Нашатырь помог, а когда объяснили, она с ходу просекла ситуацию:

– Внушенька, родила б мне жубы, а? Я бы жа тебя век Богу молилашь.

Саня вступился за жену:

– Побойся своего Бога! Тут девять месяцев жизни. Де-вять! Тебе-то сколько уж стукнуло?

Пальто вышло небольшое пока. Пупсу в самый раз. Ну, отвисится – подрастет, еще не вечер.

Хуже, что бабка растрезвонила, и пошли письма с намеками от родичей. Думают, в городе кисельные берега и молочные реки. Попробовали б сами. В магазине тоже стали приставать. Смехом вроде: той сафари, той пуссер, Зинка даже – «панасоник», как язык повернулся. Один с сошкой, семеро с ложкой. Она отрезала, что Саня в фирме ни бум-бум, тогда поутихли.

Выход был один – рожать деньги. Без денег любой худенек.

– И вообще проще! Без этой сплетницы обойдемся.

Дело мастера боится. Уже стало что-то побренькивать. Только дернул черт Сашу полезть за пупсом (уже антресоли перерос), и оступилась с табуретки. Итог плачевный – просыпалась горстка мелочи, даже без герба еще.

Когда Саня вернулся с работы, она сидела за кухонным столом перед кучкой монет.

– Ты чего это меди наменяла? У меня карточка.

– Я тебе покажу карточку! Ты о каких деньгах думал?

– Когда? А... О долларах, – немного смутился он.

– Долларах, – зло поправила она. – И на кой тебе, охламону, доллары? Ты хоть знаешь, как они выглядят?

– Маленькие, желтенькие – золото, в общем.

– Вот твое золото, Петя.

Но долго выражать отношение она уже не могла. Ведь и пуговицы у пальто выросли на мужскую сторону. Ясное дело, разделение труда: он мозг, она – вроде как руки.

Тут еще – накликала – Петр заявился.

– Сашута, понимаю, я не в праве... Но если б ты согласилась помочь!

– Сколько надо?

– Нет, я не то... Ну, не могла бы ты родить мне таблеток от алкоголя?

– Чего-чего?

– Пойми правильно – Сане ничего говорить не надо. Я сам все сделаю, ему никаких хлопот...

Выставила за дверь и Сане не сказала, конечно. И так самочувствие – родить летающую тарелку и улететь... Она уже подустала и отталкивала Саню, когда он с намерением приблизился:

– Надумаешь какой-нибудь шпиндель, а я потом мучайся.

– Я же слесарь! – обижался Саня.

А когда кто-то наклеветал, что без него был Петр, он вскипел:

– Понятно! Ну гляди! – и побежал разбираться.

– Саня... – растерялся Петр.

– Я-то Саня! – раскачивал он пыл.

– А я вот, – Петр развел руками, – все пью...

Саня огляделся: одна циновка на полу, по углам икебана из бутылок. И вдруг пожалел его за такую японскую жизнь.

– Наливай.

– Твоя Сашута – золото, – убеждал Петр.

– Не трожь мою жену. Она тебе не Сашута. – И вообще слово «золото» он больше слышать не мог.

– Я не в том смысле. Святая женщина!

– А таблеток она тебе соорудит, – свеликодушничал Саня.

– Богородица!

Таблетки удались на славу. Петр, говорили, пить бросил.

Но запало его прощальное глупое слово. Если по уму – не такое и глупое. Пьяный – что малый. Устами младенца... А что?

– Сдурел, – равнодушно пожала плечами Саша, только он намекнул. Но постепенно и самой стало нравиться. Представить, как называют за спиной... И вообще нет проблем.

Готовились благоговейно. Недели за две стали говеть.

– Што, робяты, на этот раж удумали? – Бабка приехала моментально.

Когда началось, Саша обрядилась в белую рубаху. Бабка не нарадовалась на порядок.

Послышались стоны, «ох-хо-хо», – подумал Саня, – ох-хо-хо». Временно стихло – и опять невыносимые, совсем уж дикие звуки. Он не стерпел и ворвался в комнату. Бабка взвизгивала, заходясь нечеловеческим смехом.

Он взглянул на постель.

– Это что, ясли?

– Каки яшли? – выдавила бабка. – Каки те яшли?

– В каких Бог родился.

– Батюшки-шветы, корыто! Да ишшо и с трешшиной! Ох, детки...

Бог дал – Бог и взял. Сидели молча на кухне, кто-то позвонил в дверь.

– Петя! – обрадовался Саня. – Проходи, по маленькой. Дай стакан, – скомандовал жене.

– Благодарю, теперь ни грамма, – младенчески улыбнулся Петр. Он был в глаженном костюме, белой рубашке и протянул Саше букет: – Моим спасителям.

– Как живешь? – поскучнел Саня.

– Если б не вы... – (Саня остановил рукой.)

– Устроился в ателье, зарабатывать нормально. Я ведь всегда неплохой электромеханик был, – потупился он, но тут же благодарно воспрянул: – Вам не надо починить стиральную машину?

1986

Ступени

1

Им были обещаны ловкость и сила. Только стерпеть рвущий скачок – и распадется все, что стесняло, простор овеет вольной волей, наступит блестящая, яркая жизнь. И лишь показалось, что час их приспел, как ушлые ринулись вперегонки, спеша, мельтеша и толкая друг друга.

Вначале здесь стало тесней, чем прежде: полутьма качала, мерк вверху полусвет. Но было движение, кружившее головы. Сперва не быстро, но ускоряясь, влекли их тьма и струенье потока, неся в сужавшуюся вокруг тесноту. Повеяло страхом, а скорость росла, как вдруг впереди забрезжило снова – и все, напрягшись, рванулись туда.

Внезапно путь преградила стена, как будто в насмешку светившая дырами. За ней был простор и, конечно, то новое, но тьма западной замыкала дорогу. Они еще пытались развернуться, выгибая тела и пружиня мышцы, – но смертный поток несдержимо стремил, и сил для возврата уже не хватало.

Тщедушные гибли легко и первыми, мгновенно плющась о злую преграду. И как ни старались исхитриться те, что посильней, поток все равно затягивал в дыры, – мучительно, медленно, по частям. И жизнь, истязав, плющило насмерть.

2

Всю долгую зиму, а затем и затяжную весну, приобретя, наконец, участок, он ждал и готовился: сколотил дощатую хибару, заказал буржуйку у деревенского жестяника и, несколько раз переменяв намерения, так и не выбрал, что где посадит. Жена от него ушла двумя годами раньше, и теперь он бодрился, что это к лучшему: чем она умела помочь в таком деле. Столько сложностей, тонкостей – каждый овощ требует особого ухода, а если еще и садом заняться! Дружьям надоело даже подтрунивать над его приусадебными восторгами (только приятель-медик отнесся серьезно: «Езжай, заодно и нервы подлечишь»), и его отъезд отмечали радостно, но с облегчением.

Три дня, от утренней зорьки до вечерней, он перекапывал участок, выворачивал попадавшиеся валуны, насыпал и подравнивал гряды, сеял семена в продольные и поперечные – по науке – борозды. Лопата яро сверкала, но ее лезвие не ранило – свежие пласты лишь слегка вздрагивали, оживая от ласкового прикосновения воздуха. Стосковавшаяся земля, не утоленная дикими травами, готовно и благодарно подавалась навстречу. И труд свой он видел уложенным вопрек в ровные, высоко поднятые (место было болотистым), засеянные будущим прямоугольниками, которые в завершение щедро поливал, благо неподалеку оказалась яма, полная вытаявшей водой.

С сожалением вытряхнув последние капли, он повернул лейку носиком к себе, заметил какие-то скользкие травинки и смахнул их ладонью. Волоконца не отставали, он тщательно стал отчищать их – и с запозданием понял, что это раздавленные головастики, которых, должно быть, зачерпнул с водой из ямы, где их кишело множество.

«Жуткая смерть», – содрогнулся он. Солнце кричащей полосой разлилось по горизонту. Он долго мыл руки и старательно прополоскал носик лейки.

Ночью, в душно натопленной времянке, ему стало худо. Сердце сжималось, исчезая, а лекарств он не прихватил, понадеясь на свежий воздух и здоровое дело.

К утру боль отступила, лишь постукивало в висках, да временем темнело перед глазами. Тяжелая работа была позади, он ходил вокруг лачуги, кое-где подбивая гвозди, наносил хворосту на растопку и с глуповатой надеждой косился на засеянные гряды, а потом молился на небо, чтоб не посыпало дождя и привелось полить самому.

Головастики – что ж, мало ли попадается с водой личинок, инфузорий, паучков, прыти которых не углядишь. Мало ли живого вообще уничтожаешь за жизнь – выпивая, съедая, растапывая, не заметив.

Однако перед тем как набрать воды, он гулко хлопнул в яму лейкой, предупреждая. Но как медленно и осторожно ни опускал ее, на дне уже полоскались двое самых резвых, и пришлось вылить их назад. Он начерпал воды ковшом и, обретя покой, снова радовался, как темнеет и веселеет земля, насыщаясь летучим леечным дождем.

3

Тяжелой волной докатилось: не так.

Она не спешила откликаться на первый, хоть и тревожный зов. Волны сходились, пересекались и, бывало, поглощали возмущение или угасали сами собой. Она терпеливо перемогалась, хотя оттуда не утихало, и продолжала следить остальное, направляя отчаянно нужную помощь.

Но та тревога уже устоялась, грозя застареть в исказившихся связях. Проявление тупо уничтожало себя, и потому становилось невмочь, и жизнь взывала, требуя строя. Пора. Она тяжело развернулась туда.

Обратная вспышка прострелила ее саму, и, без расчета тратя силы, она крушила непорядок, превозмогая волей боль и разлад. Облегчающей вестью повеяло встречу. Ответные волны гасили боль, и та, соскользнув, затихала безвредно.

Но где-то снова всплеснула беда, и она, переждав, обратилась туда, богатая мощью правой победы.

4

Воротясь в город, он записал философическую притчу:

Головастые

– Что, Авдеич, будет сегодня дождь? – спрашиваю я соседа.

Он глядит под ноги, плюет на скукоженный палец и задирает голову кверху.

– Дожжа бы надоть. Кой день ведро стоит.

– Раз ведро – берем за ведра, – улыбаюсь я.

Авдеичево чутье да опыт не обманут. Мужик он въедливый и привередливый – настоящий хозяин. Когда мы с Олей копали гряды, прошел он мимо раз, другой и не выдержал:

– Што оны, тудить, в вулицу загинаются? Аль бегуть от справных хозяев?

– Ну, Авдеич, не стрелять и есть, – пробовал я отшутиться.

– Не, соседко. Уж как спервоначалу поведешь ряд – так оно и будет.

– Оля, ты слышишь? – поразился я. – Какая верная мысль, правда, Оля?

Счастливыми глазами смотрела Оля на меня.

– Добро горазд, – похвалил Авдеич, когда я, употев, выправил-таки гряды.

И теперь придется, видно, таскать воду из пруда. Впрочем, огород наш небольшой, и воды требуется не много. Но к концу поливки я замечаю нечто, от чего мурашки бегут вдоль позвоночника (хорошо, хоть Оля не видела!), подхватываю лейку и бегу к соседу.

– Гли-ко, Авдеич! – Уже не сдержать накатившей смеси чувств: неоправимости содеянного, обвинений себе и постыдной брезгливости.

– Ну-у, – задумчиво тянет сосед, разглядывая слизистые волконца продавленных сквозь дырки головастика.

– Я ж не хотел, – тупо повторяю я. – Что ж теперь делать?

– А што те делать? Выколоти да и пользуйся.

– Да я об этих!

– Об головастьях-то?

– Ну да, ведь жалко!

– Да вон их, пруд пруди. А мало те лягух – своих подарю, – мудро заключает он.

Прочитав это, приятель-медик проникательно спросил:

– Ты что, и в самом деле так закомплексовал?

– Отчасти творческий вымысел, – смущенно хохотнул он. – Поначалу, правда, старался их вылавливать, а потом рукой махнул. И стучишь по воде, и кричишь – где там, так и прут в лейку.

– Понятно. Ослабленный инстинкт самосохранения. Представь, сколько б их развелось, будь он хотя бы как у человека.

– Вот-вот!

– Ну а кто такая Оля?

5

Бумага не вынесет разряда, какой послала она тогда. Лишь наши земные траченные нервы способны выдержать такое.

1986

Перекресток

Писец сам избрал это место на перекрестье дорог и был им доволен. Каждое утро вскоре после восхода солнца он раскладывал свой небольшой столик и ременчатый стул и, очинив перья, ждал, когда потребуется его помощь. Люди охотно шли к нему – он выслушивал внимательно и сочувственно, и одолевавшие их тяготы и заботы, изложенные его пером, становились столь же ясны, как его четкий почерк. В конце дня он передавал людские взывания являвшемуся к тому времени леноватому гонцу. И если прошение, писанное им, не имело действия (что случалось чаще всего), люди склонны были отнести неуспех на счет сложности дела, нежелания властей разобраться в нем, а то и просто нерадивости посыльного, и сохраняли ревнивое доверие к своему писцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.